

Юлия Николаева

Я ТЕБЯ
~~НЕ~~ ПРОШУ

Юлия Николаевна Николаева

Я тебя (не) прощу

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66079174
Я тебя (не) прощу / Юлия Николаева: Авторское; 2021*

Аннотация

А я ведь почти поверила, что больше ничего не случится. Что стакан боли испит, отставлен, и теперь меня ждёт тихое, неприметное существование в одиночестве. Но судьба решила иначе: вырвала из уголка спасения и вернула к тому, от чего я убегала все это время. И теперь я снова игрушка в чьих-то руках, и спасти меня может только один человек. Тот, который меня любил. Тот, которого я предала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юлия Николаева

Я тебя (не) прощу

Глава 1

Их было трое: двое мужчин около тридцати и девушка лет двадцати пяти. Приехали издалека. Они вошли в холл гостиницы в тот момент, когда я пыталась объясниться с Сергеем, так звали моего залетного неудачливого ухажера, приехавшего из Саратова в трехдневную командировку и закрутившего со мной роман. Командировка закончилась, он рьяно пытался остаться, а я объяснить ему, насколько глупо то, что он планирует сделать. В конце концов, мы дошли до апогея, и он кинул, что я дешевая потаскушка. Я философски снесла оскорбление, но данная троица воззрилась на сцену с удивлением и интересом. Кто бы что ни говорил, но многие любят посмотреть, как трясут чужое грязное белье.

Покосившись на вновь прибывших, я сказала Сергею:
– Если вы закончили, то можете идти, у меня клиенты.

Он покраснел от злости и, выпалив напоследок еще пару ласковых, удалился прочь. Надеюсь, навсегда.

Троица приблизилась, приглядываясь ко мне, я ответила приветливой улыбкой. Внимание привлекал блондин: лет тридцати пяти, высокий, отлично сложенный, – он вальяжно

подошел к стойке, всем своим видом показывая, что сам черт ему не брат и что к человеческим созданиям он испытывает презрение. На глазах солнечные очки, прямой красивый нос, волевой рот. В общем, мечта любой дурочки. Девчонка – его подружка, видно сразу. Силится выглядеть уверенной, но на деле чувствует себя неуютно. Симпатичная, одета по моде, лицо непримечательное. Даже удивительно, что этот блондин с ней. Третьему парню около тридцати, симпатичный: густые темные волосы, карие глаза, обрамленные пушистыми длинными ресницами, правильные черты лица. Фигура попроще, чем у его спутника, и сам он создавал впечатление милого мальчишки, но мне понравился больше: мягкий взгляд и улыбка располагали к себе.

– Интересные у вас нравы, – заметил блондин, кладя локти на край стойки, девушка встала возле него, а брюнет напротив меня. Растянув губы в улыбке, я ответила:

– Можете поискать другое место.

– А не боитесь, что, правда, уйдем? – поинтересовался брюнет.

– Из единственной гостиницы в городе? – снова улыбнулась я, ответить на это было нечего.

Тут я решила: повздорили, и хватит, они не виноваты в том, чему стали свидетелями.

– Будете снимать номер? – спросила дружелюбно.

– Пожалуй, – сказал брюнет, разглядывая меня с интересом.

– На сколько хотите остановиться?

– Пока на пару дней, – ответил он, – с возможным продлением.

– Отлично, – улыбка держалась на моем лице, как приклеенная, – ваши паспорта, пожалуйста.

Они протянули документы, я стала оформлять.

– Вам отдельные номера?

– Один одноместный, один двухместный.

Его звали Виктором, блондина Андреем, девушку Светланой. Все из областного города недалеко от Москвы, по крайней мере, по прописке. Они оплатили проживание, я вернула им паспорта, после чего повела показывать номера. Открыла двери и отдала ключи. Мое предположение подтвердилось: блондин занял один номер с девушкой.

– Можете заселяться, будут вопросы, зовите, – сказала я с улыбкой, и они скрылись в своих номерах.

На следующий день ко мне явился Степан, вот уж поистине редкое событие за последний год. Степан был лесником и жил уединенно в маленьком домике в лесу. В городе родных у него не было, потому он появлялся здесь нечасто – чтобы его выловить, нужно было ехать в поселок, располагавшийся возле леса, а там просить местных, чтобы привели к его дому. Впрочем, без важных дел мало кто к Степану навещался, а важных ни у кого не находилось.

Увидев его в холле гостиницы, я присвистнула и выпрямилась, скинув ноги со стола.

– Вот это гости, – пропела, вставая, – неужто соскучился?

Мы обнялись, и я провела его в комнатку за стойкой, где стоял стол с чайником и диван.

Со стороны наша дружба со Степой могла показаться странной: бородатый мужик пятидесяти семи лет и девица вдвое его моложе. Но несколько лет назад нас свела судьба, и мы привязались друг к другу. Степан знал лес, как никто другой, и показал мне его. Почти два года я жила, изучая природу, характеры и привычки леса, пока он не принял меня. Понимаю, со стороны звучит диковато, но что еще делать девушке, живущей в маленьком провинциальном городишке, непролазно окруженном лесами?

В общем, спустя два года я вернулась в город, и около года работаю в единственной его гостинице. Работа не пыльная, потому как потока туристов у нас не бывает, но мне нравится. Иногда становится скучно, и я завожу роман с каким-нибудь приезжим, правда, последний закончился не очень хорошо, поэтому на время лучше подвязать с этой деятельностью.

Но вернемся к Степе. Он с удовольствием выпил чаю, а потом сказал:

– Милушка, я ведь по делу.

Нахмурившись, я уставилась на него выжидающе. Если Степан пришел по делу, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Приехали ко мне вчера трое, – начал он рассказывать, –

два парня и девица. Предложили работу – проводником в лес.

Я тотчас поняла, о ком идет речь, и поинтересовалась:

– Куда хотят?

Степан кинул на меня взгляд:

– Далеко.

И я сразу поняла, куда. Лес наш хоть и мирный, но до поры до времени. Стоит углубиться – вокруг сплошь болота, а уж про просто заблудиться и говорить нечего.

– А ты чего?

– Отказался, – пожал он плечами, – стар я, чтобы туда ходить, да и потребности нет.

Степана деньгами не соблазнить, они ему в лесу ни к чему, а пускаться в дальний путь приключений ради... тоже не его стиль.

– Ясно, – кивнула я, – а мне, значит, рассказать решил?

Он помялся, потом сказал:

– Они меня так уговаривали... В общем, я сказал, что не пойду, но есть человек, который знает те места. Если он согласится, то...

Степан выжидающе уставился на меня.

– Маловероятно, – лучисто улыбнулась я, и он кивнул.

– Я так и подумал, Милушка. Да и неизвестно, есть ли там что, или все нашли и забрали... Но подумал – рассказать стоит. Может, тебе интересно станет. Опять же, какое-никакое, а развлечение.

Степан выжидающе уставился на меня, я задумалась. Развлечение, как он назвал данное мероприятие, казалось мне весьма сомнительным. Точно я не знала, но была уверена: рыскать там в поисках клада бесполезно. Не те люди ходили до этих ребят, чтобы после них можно было что-то найти. Однако само по себе мероприятие ни к чему не обязывало. В те места сейчас, по-моему, вообще никто не ходит. А у меня намечается отпуск, который можно провести таким странным образом. Тем более что я бы просидела его дома перед ноутбуком, не показывая носа из квартиры. Степино предложение, конечно, вызвано желанием спасти меня от неизбежной, на его взгляд, гибели со скуки. Будучи затворником, он по необъяснимой причине убеждал меня, что я должна, наоборот, вести активный образ жизни. Меня все больше тянуло к социопатии, но я обещала ему бороться и делать все, что смогу. Поэтому и задумалась над его предложением. Проводников в городе много, но так далеко в лес никто не пойдет, тут Степа прав. Он единственный, кто знает те места, по крайней мере, так думают местные. Есть еще я, но я была там последний раз года полтора назад. Эту мысль и озвучила.

– Так я же не спорю, Милушка, – откликнулся Степа, – отказывать так отказывать. Хотя тут ты лукавишь, ты и через двадцать лет пройдешь и ни в одно болото не угодишь.

Я бросила на Степу испепеляющий взгляд, но, не выдержав, рассмеялась, и он следом за мной.

Перестав смеяться, тихо сказал:

– Вряд ли это опасно, Милушка. Ребята вроде простые, хотя блондин мне не понравился – больно наглый.

Я кивнула, размышляя. Пару минут мы сидели молча, потом Степан поднялся и пошел к выходу. У двери остановился и спросил:

– Так что им сказать-то?

– Скажи, пусть в пять вечера ждут проводника в фойе гостиницы.

Степан кивнул, вроде как и не сомневался в моем ответе, а я углубилась в свои мысли. Не могу сказать, что подобные люди в нашем городе в новинку. Во время войны в здешних лесах прошло множество сражений, так что теперь, в мирную эпоху, эти места пользуются спросом у черных искателей и иже с ними. За проводниками приходят часто, особенно последние годы. До этого еще ехали в город с другой стороны леса, но года четыре назад случился ураган, после которого большую часть дорог залило непроходимой топью. Соваться туда проводники боялись; сейчас лес осваивается заново, но ходить там все еще рискованно. Поэтому большинство стали приезжать к нам. Правда, наши проводники так далеко не ходят, необходимости до этого не было. Степан раньше водил на приличные расстояния и сейчас мог согласиться, если бы углядел интерес, что сомнительно.

В пять вечера троица разместилась на диванах в фойе и принялась переговариваться. Я наблюдала за ними. Андрей

не обращал на меня внимания, Светлана бросала презрительные взгляды, Виктор посматривал с интересом. А я просто пыталась понять, что они за люди, и сможем ли мы сработаться. Вздохнув, направилась в их сторону. И слова сказать не успела, как Светлана заявила, деланно улыбнувшись.

– Нам ничего не надо, спасибо.

Я улыбнулась в ответ куда искренней.

– Мне казалось, вам нужен проводник?

Они переглянулись и уставились на меня в ожидании. Видимо, думали, что я сейчас кого-то позову. Наконец Андрей сообразил, что я намекаю на себя, усмехнувшись, откинулся на спинку дивана, сложив руки на груди и поглядывая сквозь стекла солнечных очков. Проблемы у него с глазами, что ли? Или в Москве принято не снимать очки ни днем, ни ночью?

Его реакция вызвала приток умственной деятельности у остальных, потому что Виктор поинтересовался, уставившись на меня:

– Вы проводник? Серьезно?

– Что вас смущает? – осведомилась я, поправляя платок на шее и присаживаясь на диван рядом с Андреем и напротив Виктора.

– То, что ты девчонка, – хмыкнул Андрей и получил осуждающий взгляд приятеля.

– Дело ваше, – пожала я плечами, – вы знаете, что никто больше не возьмется за эту работу, поэтому думайте сами.

– Вы действительно можете провести нас туда? – задал во-

прос Виктор.

– Могу, но хочу знать детали.

Они переглянулись, и Виктор спросил:

– Что именно вы хотите знать?

– Что ищем, какие сроки, есть ли карты?

Немного подумав, он ответил:

– Сроки не критичны, но хотелось бы уложиться в месяц.

Есть карта, но она не совсем верна. То есть место указано, но дорога прописана с другой стороны леса. Мы были там, после урагана местность затопило, и так далеко никто не осмеливается вести. Потому решили попытаться счастья здесь.

Я кивнула и задала главный вопрос:

– А что ищем?

Виктор бросил очередной взгляд на Андрея, словно ища у него поддержки, но тот только пожал плечами. Тогда он, покачав головой, заметил:

– Мы сами точно не знаем. Для вас это имеет такое значение?

– Понимаете, Виктор, – я улыбнулась, – сюда часто приезжают в поисках проводника. У одного бабушка припрятала драгоценности, у другого дедушка зарыл клад. Отвести человека к месту не проблема. Хотелось бы понимать, насколько это законно и безопасно. Может, вас таких много на один кусок пирога.

Виктор ответил:

– В данном случае все, действительно, законно. Не думаю,

что об этой карте вообще кому-то известно. И мы, правда, не знаем, есть ли там что-то ценное. Мы хорошо заплатим за вашу работу, думаю, все останутся довольны.

Я встретила с ним взглядом; казалось, он говорит правду. Интересно только, откуда у них карта?

– Могу я взглянуть на карту? – спросила Виктора. Пожав плечами, он вытащил ее из сумки, лежавшей рядом с ним, и протянул мне.

Я сразу узнала ее, несмотря на то, что видела только копию. Не знаю, какие эмоции испытывают люди, неожиданно сталкиваясь с прошлым. Я – исключительно неприятные. Сразу хочется послать все к чертовой матери, пойти домой и лечь спать, свернувшись калачиком под одеялом. Но я свое уже отлежала, потому осталась и вида не подала, что карта мне знакома. Бегло посмотрев, вернула Виктору, а он, убрав в сумку, сразу поинтересовался:

– Что скажете?

Я посмотрела на него в задумчивости, правда, думала о своем.

– Сколько вы мне заплатите?

Виктор назвал сумму, я мысленно присвистнула, сама бы запросила раза в два меньше. Но не в деньгах тут дело, хотя сумма, безусловно, прятная.

– Половину вперед, вторую половину по возвращении, – сказала в итоге. – Идет?

Виктор бросил взгляд на Андрея, тот пожал плечами. Вы-

бора у них все равно нет.

– Беру два дня на подготовку, – продолжила я, – поход продолжительный, нужно быть экипированным по полной. Я напишу список того, что обязательно должно быть у каждого. Выезжаем на третий день рано утром. Я закажу такси к гостинице.

Виктор кивал, Светлана смотрела на меня, не сводя глаз. Кажется, я перестала быть в их глазах шлюхой, но радости это не прибавило. Теперь они смотрели настороженно.

Следующие два дня я не работала: было время собраться и договориться об отпуске. Утром на третий день мы встретились у дверей гостиницы. Андрей сел вперед, мы разместились на заднем сидении, Виктор оказался посередине.

– Лес начинается почти сразу за городом, – рассказала я по дороге, – доедем до его начала, оттуда пешком. Идти по моим расчетам около недели – это время вместе с ночевками.

Они только кивали, ничего не говоря. По глазам видела: идея идти в лес с девчонкой не казалась им удачной. Впрочем, осуждать их за это не могу. Еще раз улыбнувшись, я предложила перейти на ты, получив наконец в ответ хоть какие-то слова.

Перед тем как пуститься в долгий путь, я решила заскочить к Степе, благо крюк был небольшой, и ребята не знают, куда нам нужно двигаться. Степа встретил меня так, словно ждал. Может, и правда, ждал, как знать. Оглядев моих спут-

ников, увел к себе и спросил:

– Уверена?

Я только хмыкнула.

– Не ты ли меня на это дело подбивал?

Степан вздохнул.

– Ребята мутные. Темненький вроде нормальный, но ведь пацан совсем.

– Он, между прочим, старше меня.

– И что? Это не возрастом определяется, а... – тут он махнул рукой. – Ладно, что уж говорить. Думаю, вы ничего не найдете.

– Я тоже так думаю.

– То есть идешь просто так? – Я пожала плечами. – Воспоминания такая штука... Иногда лучше, если их нет.

– Без тебя знаю, – я хлопнула его по плечу, – все будет хорошо.

Степа кивнул и обнял меня.

– У меня странные предчувствия, – сказал, отпуская, – что мы с тобой больше не увидимся.

– Не каркай, Степа, я начинаю волноваться.

Он усмехнулся.

– У тебя все будет хорошо. Ты это заслужила. Ну все, давай, в добрый путь.

Выйдя из дома, я обнаружила троицу сидящими на бревне с рюкзаками между ног.

– Присядем на дорожку, – хмыкнула я, устроившись ря-

дом с Витей. Степины слова вселили в душу смуту. Я привыкла доверять его ощущениям, и хоть сама от похода не ждала пакостей, стала сомневаться в правильности своего решения. Но пути назад уже не было. Мы поднялись и, надев рюкзаки, отправились в лес.

Дорога шла на удивление неплохо. Конфликтов не возникало, передвигались мы бодро, первая ночевка состоялась там, где я планировала. Ребята стойко сносили неудобства, Андрей даже проявил способности в разбивке лагеря и приготовлении ужина. Увидев мой заинтересованный взгляд, сказал:

– Я водил детей в походы.

Представить данного человека за подобным занятием я не могла, но комментировать не стала. Бросала на него взгляды, но держался Андрей в стороне, предпочитая общество Светланы. Сидел, натянув капюшон на кепку и уткнувшись девушке в волосы. Менее подходящих друг другу людей я не встречала. Она, конечно, могла запасть на него, но что в ней нашел Андрей... Впрочем, он был с ней нежен, заботлив, так что обвинить его в неискренности я не могла. И все-таки это казалось странным.

Светлана, поймав мой взгляд, направленный на Андрея, стала хмуриться и всем видом показывать, что это ее добро. Забавно, но предсказуемо. Женщинам я редко нравлюсь, независимо от того, есть нам что делить или нет.

Вечером мы сидели с Витей у костра, парочка уже удали-

лась к себе, а я решила, что можно добыть немного информации.

– Расскажешь, откуда у вас карта? – обратилась к Вите. Он задумчиво пожал плечами.

– Я понимаю, что охотников за золотом много, но в данном случае все законно. Карта принадлежала моему прадеду. Не знаю, сам он ее нарисовал или она попала к нему в руки, но в данном аспекте это уже не имеет значения.

– А ты ее как получил?

– Случайно. Я о ней вовсе не знал, нашла ее Светка. Она моя двоюродная сестра. Как мы выяснили, все имущество прадеда отошло нашей бабушке, его дочери. На тот момент деда уже не было в живых. После похорон бабуля стала продавать антикварные вещицы, имевшиеся у прадеда. Они тогда не очень богато жили, так что вырученные деньги им помогли. Ну а всякий прадедов хлам, как называла его бабушка, был сложен в коробку, ее забрал Светкин отец – мой дядя. Надеялся, там может оказаться что-нибудь интересное. Он и нашел данную карту. Так как сам он в этом не силен, стал обращаться за помощью, чтобы понять ее ценность. В итоге разведаль, что карта нарисована во время войны. Прадед воевал как раз в этих местах, но что таит в себе карта – неизвестно. Это может быть просто место дислокации войск. Сам прадед или забыл про карту, или не хотел о ней рассказывать. Так или иначе, дядька отложил ее в дальний ящик. Не так давно Светка нашла ее и принесла мне. Я историк по

образованию, стало интересно. Так что с моей стороны это своеобразная попытка больше узнать о семье.

– Когда умер твой прадед? – поинтересовалась я и, услышав ответ, кивнула.

– Восемь лет назад. Я тогда как раз заканчивал институт в Москве, так что история с картой прошла мимо меня.

Он замолчал, я не спешила продолжать разговор, расставляя мысленно все по своим местам.

По всей видимости, когда Витин дядька пытался выяснить, имеет ли карта ценность, он попал к тому человеку, который снял с нее копию, а потом эту копию продал. Расстояние между городом Вити и тем, где карта всплыла, около двухсот километров, но ведь можно отправить по электронке. Главное, чтобы были связи. Карта попала в нужные руки, а дальше закрутилась новая история. Оригинал оказался невостребованным, много лет лежал в шкафу, пока не был обнаружен очередным поколением. Те заинтересовались, имея время и деньги, решили, почему не попробовать, и вот мы здесь. Я-то находилась в твердой уверенности, что ничего мы не найдем, но огорчать парня не хотелось, кажется, им реально двигала не жажда наживы.

Пока я думала об этом, Витя вдруг поинтересовался:

– Как ты стала проводником?

Кинув на него взгляд, я вздохнула. Конечно, я не проводник в том смысле, который вкладывается в это слово. Я просто жила в лесу и знаю его. Была бы воля, в эти места я бы

не пошла, но память штука такая – тащила меня, как на веревке, туда снова и снова. Пока не осталось ни одной неисхоженной тропки. Степа учил меня видеть дорогу, чуют опасность. Он хотел помочь мне и делал это, как умел. А я просто шла за ним, давая возможность вытащить меня из моего личного болота.

– Когда вокруг один лес, чем еще заниматься, – ответила я, улыбнувшись. Костер догорал, и лиц было уже почти не видно. Я чувствовала, что парень всматривается в мое, но вряд ли что видит.

– Ты могла уехать.

– Не видела смысла. Да и образования у меня нет, даже институт не окончила.

В институте я не доучилась всего год, хоть и по обстоятельствам, от меня не зависящим, но все же...

– С такой внешностью ты могла бы легко устроиться.

– Это вроде комплимента? – хмыкнула я. – Одной внешности, знаешь ли, мало, а зарабатывать ей надо уметь.

Хотя если вспомнить ту сцену, что они видели по прибытии, можно подумать, что внешностью я зарабатывать вполне умею.

– Ладно, пора спать, – я поднялась, и он следом за мной.

Затушив костер, я пожелала спокойной ночи и ушла в палатку. Некоторое время слушала, как он возится, потом все стихло, и я заснула.

Проснулась рано, чувствуя себя отдохнувшей. Приготови-

ла завтрак и уселась на бревне с кофе, подставив солнцу лицо. Вот это кайф.

А потом появился Андрей со Светой, и настроение улетучилось. Не нравился мне этот мужчина, не знаю, почему, но внутренний голос упорно шептал, что стоит с ним быть настороже. Пришел Витя, и я переключилась на него. Вот он мне нравился, я даже поухаживала за ним во время завтрака, что не осталось незамеченным.

Склонность людей преувеличивать все, что они видят, с определенного момента стала меня неизменно удивлять. Я в свое время жила в огромных розовых очках, потому сейчас не питаю ложных иллюзий. Иногда хорошего настроения достаточно для того, чтобы налить кофе приятному мужчине. Пока ребята завтракали, я попросила у Вити карту. Дорогу я помнила, но было интересно посмотреть на оригинал. На обратной стороне кодировка, позволяющая прочесть маршрут иным образом и соответственно прийти в другое место. Как воспользоваться кодировкой, я знала, потому не стала заострять на ней внимание, но поинтересовалась у компании:

– Вы знаете, что это кодировка?

Они переглянулись, и Витя кивнул.

– Мы ее расшифровали, – пояснил он, – по ней место несколько сдвигается от финальной точки нашего путешествия. Но мы бы хотели для начала пройти до этого, а там уже смотреть по ситуации. Это возможно?

– Почему нет, – пожала я плечами. Платят они хорошо,

времени у меня вагон, так что все равно, сколько бродить по известным маршрутам.

Глава 2

Еще три дня прошли в том же режиме: мы шли, останавливаясь на отдых и ночлег. Общались мало: Андрей большую часть времени проводил со Светой, они уединялись вне лагеря или шатались по лесу, хотя я их предупредила, что это может быть опасно. Мы проводили время с Витей, разговаривали о малозначительных вещах, не торопясь раскрыть друг другу душу, но проникаясь взаимной симпатией. Витя был ученым до мозга костей, работал в Московском институте, много ездил по миру в командировки, а также старался исследовать самостоятельно то, что было ему интересно. Он много читал, свободное время целиком отдавал своей страсти – истории, не был женат, не имел постоянных отношений, но этим не тяготился. Витя был веселым, добрым парнем – не сказать, что амбициозным, но увлекающимся.

На пятый день мы встали неподалеку от лесного озера, наконец-то появилась возможность нормально помыться. Пока остальные разбивали лагерь, я направилась туда. Немного постояла, глядя на воду, гадая, что будет дальше. Уже пару дней назад настроение моё стало меняться. Если в начале похода я получала удовольствие от жизни вдали от цивилизации, то теперь в голову все чаще лезли мысли о прошлом. Я списывала их на приближение к финальной точке.

Зашелестела листва, оглянувшись, я увидела выходящего

на поляну Витю и усмехнулась.

– Я хотела искупаться, – сказала ему, он неуверенно улыбнулся, а я чуть глаза не закатила. Не спеша стянула одежду, скинула с шеи платок и ступила в воду. Она была прохладной. Зайдя по грудь, я обернулась и весело прокричала:

– Чего замер? Или присоединяйся, или иди в лагерь.

Я поплыла вперед, и, оказавшись на середине, обернулась. Витя неторопливо плыл ко мне. Встретившись, мы немного покружили в воде и двинули к берегу. Почувствовав дно, я встала напротив парня. Вода в озере была прозрачная, но думаю, что Витя успел разглядеть меня еще на берегу. Скажу без ложной скромности – там есть, на что посмотреть. Не удержавшись, Витя кинул взгляд в воду, но тут же стыдливо поднял глаза; я едва сдерживала усмешку и даже губу закусила, чтобы не улыбаться во весь рот. Кажется, парень не верит внезапному счастью. Конечно, его заинтересовал шрам на шее, посмотрев на него, он нахмурился и спросил:

– Откуда?

Я рассмеялась, качая головой.

– Перед тобой стоит обнаженная красивая девушка, а ты задаешь дурацкие вопросы. Действуй, пока я не передумала.

Витя тоже усмехнулся, и додумался поцеловать. Я ответила. Поцелуй становился все горячее, одной рукой Витя потянул меня за волосы, заставляя отклонить голову назад. Не видела, но знала, он смотрит на шрам. Через мгновение почувствовала, как его губы нежно коснулись шеи, заскользи-

ли вниз к ключицам и вернулись по шее к уху.

– Ты такая... – прошептал он. – Непонятная и желанная.

Я заткнула ему рот поцелуем. Никаких слов, никаких чувств, только физиология. Он, словно поняв мой настрой, перешел к делу.

Вода мешала, но при этом добавляла ощущений. Я отключила голову, постаралась сделать это, чтобы не задаваться вопросом, зачем нужно все происходящее, зачем каждый раз я поступаю так. Отдаю, позволяю, и они берут, берут и не могут насытиться.

Некоторое время после мы стояли, выравнивая дыхание.

Отстранившись, я улыбнулась и направилась к берегу. Одевшись, повязала платок на шею, не глядя на парня. Он быстро оделся и теперь стоял рядом.

– Пойдем в лагерь? – усмехнулась я, двигая в нужную сторону, Витя последовал за мной. Я шла, наслаждаясь стрекотней вокруг, не желая ни думать, ни говорить. Но Вите, конечно, не молчалось.

– Все-таки откуда у тебя шрам?

– Боевое ранение, – пошутила я, – неудачная попытка убить президента. Мне удалось сбежать, но задание было провалено, и меня решили убрать, я сумела...

– Прекрати, – попросил он недовольно, – я же серьезно спрашиваю.

– Если серьезно, – я остановилась и повернулась к нему, – я не собираюсь рассказывать историю своей жизни малозна-

комому парню из-за того, что мы занялись сексом.

Развернувшись, пошла дальше, Витя же не успокоился.

– Тебя реально хотели убить?

Я закатила глаза. И так каждый раз, им непременно нужно знать, откуда шрам. У меня на этот случай припасена парочка слезливых историй. Мужчины после них начинают меня жалеть и стараются доставить ни с чем не сравнимое удовольствие. Сергей вон даже так расчувствовался, что хотел увезти в свой Саратов. Только не учел, что он мне даром не нужен. Ни Саратов, ни Сергей.

Все эти любовники хотели тела и получали его. Некоторые хотели душу и шли лесом. А я не хотела ничего: разве что забыться в очередных объятьях, доказать самой себе, что ничтожна и заслужила то, что имею.

Вите об этом знать ни к чему.

Вздыхнув, я снова к нему повернулась:

– Если я тебя еще раз ублажу, ты перестанешь задавать глупые вопросы?

Эти слова его разозлили.

– При чем тут секс? – спросил он.

– Интересный вопрос. Можно подумать, к озеру ты за мной просто так пошел.

– Мне показалось, ты не против.

– Не против секса, а не душевных разговоров.

Я пошла дальше, Витя, немного помедлив, догнал меня.

– Прав был тот парень в отеле, – сказал зло, – ты просто

шлюха.

Я усмехнулась.

– Я не пыталась создать впечатление благородной девицы.

– Ты вообще способна на чувства? Слово «любовь» для тебя что-то значит?

– Отвали, а, – мирно ответила я.

Витя, зло выдохнув, скрылся впереди. Я не спешила. Как ни странно, думала над его словами. Он, видимо, решил, что через неделю совместного времяпрепровождения и разового секса я в него влюблюсь. Весьма наивно. Впрочем, как-то я умудрилась поверить в то, что влюбилась, вообще от одного взгляда.

Я вспомнила, как мы с ребятами приехали в город, чтобы встретиться с проводником. Он был родом из этих мест, но жил по всему миру, так мне говорили. Мне было все равно, я тогда вообще мало думала о людях – в основном о своих желаниях. Я стояла, привалившись к машине, капризная девчонка двадцати лет в легких штанах и майке. Подъехала старая иномарка, из нее вылез высокий парень и стал со всеми здороваться. Я пялилась в другую сторону, и тут на меня упала тень. Повернувшись, подняла глаза и замерла. Он выглядел надо мной красивый, загорелый, с наглыми глазами, от взгляда которых перехватывало дыхание. Губы кривились в легкой усмешке, между зубов перекатывал травинку. Окинув быстрым взглядом, от которого внутри все задрожало, криво ухмыльнулся, пожимая мою руку: ее я протянула,

даже не заметив этого.

– Дмитрий, – сказал мне, я только кивнула, не в силах отвести взгляд, – можешь звать меня Митя. Будем дружить, да?

И так на меня посмотрел, словно я уже полностью ему сдавалась. Да я и выглядела так, наверное. У меня был богатый опыт по отшиванию мужиков, а с этим я растерялась. Впервые. Потом я села машину и попыталась выбросить эти мысли из головы. Все равно между нами ничего не может быть.

Так я думала тогда, или пыталась себя в этом убедить, пока дурная голова занималась совсем другими вещами, ведя меня к гибели.

Я не заметила, как вышла к лагерю. Витя сидел с ребятами на траве, в мою сторону они покосились, но ничего не сказали. Даже если Витя не рассказал, уверена, парочка все поняла. Уж не просто так Светлана послала мне презрительный взгляд. А, плевать. На все, на все плевать.

По моим прикидкам мы должны были прибыть к месту на шестой день. И чем ближе подходили, тем большую нервозность я ощущала. Голос в голове уже кричал: что-то не так. Я не чувствовала опасности от ребят, а больше ей исходить было неоткуда.

Оказавшись к полудню шестого дня на месте, указанном на карте, мы все были в некотором напряжении. Ребята долго бродили по местности, осматриваясь и переговариваясь; я к ним не лезла, приглядываясь к природе вокруг. У меня были свои мысли, я их пока не озвучивала, но все больше убежда-

лась в их правильности, и на этой поляне получила лишнее подтверждение. Наконец, ребята пришли к мнению, что нет смысла останавливаться здесь, стоит двигаться дальше.

Маета усиливалась, и не заметить мое состояние было сложно.

– Что-то не так? – задал Витя вопрос.

Я решила, что разумней будет поделиться мыслями.

– Мне кажется, рядом люди.

– Что? – он уставился на меня в изумлении.

– Местность вокруг потревожена: сломанные ветки, примятая трава, свежие следы на земле. Я уверена, люди по близости.

– Но кто? И как, если сюда никто не водит?

– Кто – не знаю, а как... С той стороны леса осваивают дорогу заново. Кто знает, может, нашелся проводник, который согласился провести. Идти оттуда значительно ближе, но опаснее, однако смельчаки всегда найдутся.

– Мы были в том городе, нам сказали, что там никого нет, предложили попытать счастья в вашем.

– Это не значит, что кто-то не нашел там проводника раньше вас.

– Ты уверена, что шли с той стороны?

– На сто процентов. С нашей точно больше никто не поведет, да и следы обнаружили бы раньше. Они же появились только недалеко от места, указанного на карте.

Немного помолчав, Витя спросил:

– Думаешь, они ищут то же, что и мы?

Я пожала плечами.

– Военных трофеев тут полно, точно не скажешь. Но я бы не стала исключать данный вариант.

– Это невозможно. О карте никто не знал. Светка сразу принесла ее мне, и я никому ее не показывал. Андрей помогал в приготовлении сборов, я работал над картой. Все.

Я могла бы сказать, что это далеко не все, но не стала. Тогда пришлось бы признаться самой себе, что люди, которые копают поблизости, могут быть мне хорошо знакомы. А я совершенно не уверена в том, что мне стоит с ними встречаться. Появилась предательская мысль повернуть назад, пока не поздно. Но она точно не будет радостно встречена моей компанией. Остается только уповать на судьбу и двигаться дальше.

Глава 3

На следующее утро мы продолжили путь в напряжении. Мысль о людях давила и на ребят, только по другой причине: они не знали, чего ждать от жизни. Если в начале пути они шарахались от треска ветки, боясь зверей и леса в принципе, то теперь опасность стала вполне осязаемой. Я даже усмехалась, размышляя на тему того, что человечество превратилось в весьма жалких существ. Вместо того чтобы объединяться, мы, наоборот, бежим друг от друга в разные стороны. В конце концов, мы будем уничтожены. Мой внутренний голос на это хмыкнул:

«Не переживай, ты наверняка сдохнешь раньше».

Когда до места оставалось совсем немного, я обратилась к ребятам:

– Люди очень близко. Я слышу их.

Они посмотрели недоверчиво, прислушиваясь, но, конечно, ничего не услышали. Что неудивительно: они же не провели в лесу столько времени, сколько я.

– Ты уверена? – спросил Витя.

– До них около семисот метров, – сказала я, – как и до нашего места.

Витя чертыхнулся, видимо, до последнего надеялся, что обойдется.

– Мы не знаем, что это за люди, – продолжила я, – пото-

му остаток пути надо быть осторожными вдвойне. Мы можем подобраться и посмотреть на них, постаравшись остаться незамеченными. Потом думать о дальнейших действиях.

– Еще варианты? – влезла Света.

– Можем вернуться назад, – этот ответ никого не устроил, – или же вы отправитесь к ним, познакомитесь, возможно, объедините усилия. Здесь вы уже не потеряетесь.

– А ты? – спросил Витя.

– Отправлюсь домой, меня новые знакомства не интересуют.

– Как же мы вернемся? Ты не можешь нас бросить, у нас договоренность.

Я вздохнула. Можно, конечно, наплевать на договоренность, в конце концов, я получила только половину суммы, а рисковать не обязана. Но я понимала, меня все равно найдут. Лучше раньше, по крайней мере, буду знать, от кого ждать беды.

– Хорошо, давайте подкроемся, осмотримся, а там будем решать? – предложила я.

Этот план был принят, и мы отправились вперед, стараясь не шуметь. У поляны я жестом велела следовать за мной, мы обогнули ее, чтобы подобраться к кустам, сильно разросшимся с одной стороны. На поляне был разбит лагерь, чуть поодаль шли раскопки. В общей сложности человек десять. Значит, подошли к делу ответственно. Возле одной из палаток струился дымок – там готовили на костре. Мне все это не

понравилось, было видно: люди знали, куда ехали, и знали, где искать. Конкуренты им ни к чему, пусть даже никакогоклада тут нет. Они-то об этом не знают. Убивать, конечно, не будут, но разговора не избежать. Я не была уверена, что он мне нужен. Обернувшись к ребятам, поймала задумчивый взгляд Вити и знаками велела отходить. Тут-то все и полетело к чертям. Андрей наступил на какой-то камень, тот лежал непрочно. Мужчина споткнулся и грохнулся в кусты. Среди палаточного городка наметилось оживление, люди выпрямились, вышли из палаток, глядя в нашу сторону. Я приготовилась бежать, но Витя проявил благоразумие.

– Давайте поговорим с ними. Они вроде мирные ребята.

Появилось два бравых парня, и я натянула на голову капюшон, чтобы прикрыть лицо. Андрей, выставив вперед руки, сказал:

– Спокойно, ребята, давайте поговорим.

Мы двинули в сторону поляны. Я шла, опустив голову, периодически оглядываясь. Мы приблизились к палатке, когда из нее вышел высокий полный краснолицый мужчина лет сорока. Споткнувшись, я замерла, понимая, что теперь участь моя решена. Один из ребят сказал:

– Вот, нашли в кустах. Вроде не легавые.

Мужчина оглядел нас: я стояла, опустив голову, так что меня он не узнал.

– И откуда вы здесь взялись? – поинтересовался он хрипловатым голосом с одышкой.

Витя с Андреем переглянулись, и первый нехотя сказал:

– У нас есть карта, мы пришли по ней.

– Серьезно? Покажи.

Также нехотя Витя вытащил карту.

– Вот это да, – усмехнулся тот, осматривая ее, – настоящая. Надо же, какое совпадение. А кто же вас привел сюда, проводников нигде нет.

– Она привела, – указал на меня Андрей, и я напряглась, ожидая, что будет дальше. Мужчина подошел, скинул капюшон и замер, выпучив глаза. Рот его приоткрылся, он тяжело дышал, не произнося не слова. Наконец, прикрыв рот, в крайнем изумлении прошептал:

– Не может быть.

Бросив на него быстрый взгляд исподлобья, я отвернулась.

– Это ты, – все еще не веря, сказал он, а потом засмеялся, по-прежнему прикрывая лицо рукой, – я глазам своим не верю.

Смеялся он, впрочем, недолго. Закончив, снова сказал:

– Это ты.

Я тяжело вздохнула.

– Я это, Боря, я, – заметила, не выдержав, и это вернуло все на свои места. На меня смотрели все, кто с интересом, кто с удивлением.

– Это грандиозно, – выпалил Борька и начал распоряжаться, – этих троих в сторону, а с девушкой я побеседую отдель-

но.

Он размашистым жестом пригласил меня под навес, и я пошла, а что было делать?

– Расспроси их, – кинул кому-то Борька напоследок, идя за мной. Здесь было что-то вроде столовой, стоял небольшой сколоченный из бревен стол и складные стулья. Я уселась на один из них, устало потирая лицо. Борька замер, прислонившись к столу, и некоторое время рассматривал меня.

– Долго еще пялиться будешь? – не выдержала я; он хмыкнул.

– Вижу твое недовольство, Милана Сергеевна, но не могу себе отказать.

– Прикидываешь перспективы?

– И это тоже. Кто бы мог подумать, какой удачный поход. Если мы еще клад этот треклятый найдем...

Я промолчала, Борька продолжил:

– Ну, что расскажешь?

– Не буду я тебе ничего рассказывать.

– Шифруешься? – хмыкнул он, доставая сигарету и закуривая. – Понимаю, но это не поможет. Уверен, твои дружки быстро расколются, стоит только на них надавить.

– Не усердствуй. Во-первых, никакие они мне не дружки, а во-вторых, проверь лучше, что за ребята. А то надавишь, а потом проблем не оберешься.

– Умная какая стала, – снова усмехнулся Борька, выдыхая дым и разглядывая меня, – правда, такая же красотка, как

раньше. Только теперь твоя красота тебя не спасет.

– Не зарывайся, Боря, – мирно сказала я, – полагаю, ты все еще на Леху работаешь, он тебя по голове не погладит, если начнешь себя плохо вести.

Борька недобро оскалился.

– Не пугай меня, Милана Сергеевна, я не из пугливых. А если думаешь, что красота твоя на Дьявола по-прежнему действует, то не надейся, он с тебя шкуру в один миг спустит, подобного он не прощает.

Тут усмехнулась я.

– Хорошо ли ты его знаешь, Боря, у нас с ним свои отношения. В конце концов, была ли кроме меня хоть одна женщина, сумевшая его обуздать? – Борька зло насупился, я продолжила. – Так что еще посмотрим, кто кого. Я всплакну у него на груди о своей несчастной судьбе, он меня приласкает, а там, глядишь, все само собой и сложится.

– Сука, – сказал Борька совершенно беззлобно. Честно говоря, я блефовала. То, что меня не отпустят, было ясно, а значит, к Лехе я попаду точно. Отношения у нас с ним совсем непростые: то, что я сделала, он не простит, тут Борька прав.

– Значит, ничего не скажешь? – поинтересовался он. Я пожалала плечами. – Ну и ладно, я и так узнаю. Ребята твои молчать не будут. Что с тобой делать только? А то опять сбежишь, я такой утраты второй раз не переживу.

– Сильно досталось тогда? – не удержалась я.

– Лучше не вспоминать. То, что он тебя не нашел – это для тебя счастье. Нам пришлось несладко, потеряли двух парней, пока выбирались из леса. Забрали сильно за запад, столкнулись в итоге с какой-то группой, те нас вывели. Ладно, пойдём побеседуем с твоими спутниками, раз ты говоришь только в присутствии адвоката.

Мы вышли на поляну, я разместилась на траве. Борька, потоптавшись, позвал паренька и велел глаз с меня не спускать. Сорвав травинку, я принялась ее жевать, глядя перед собой. Борька чуть в стороне беседовал с ребятами, кстати, мирно; мне даже показалось, они нашли общий язык. Парень, приставленный ко мне, некоторое время приглядывался, потом не выдержал и заявил:

– Я знаю, кто ты.

Бросив на него взгляд, я опять уставилась перед собой, заметив:

– Я очень рада.

Он, видимо, посчитал, что я не поняла, потому что продолжил:

– Восемь лет назад ты сбежала с Витязем. Я ищу его.

– Удачи.

Моя немногословность парня обескураживала. Помолчав, он сделал еще одну попытку:

– Ты знаешь, где он?

– Понятия не имею, – снова ответила я коротко.

– Почему ты не хочешь помочь?

– А с какой стати мне тебе помогать?

– Я устрою твой побег, если ты поделишься информацией.

– Как ты вообще в команду попал с такими настроениями? – поинтересовалась я.

– Пришлось постараться. Они надеются найти клад, а я следы Витязя.

– Спустия восемь лет?

– Я ищу его все это время.

– Откуда такое рвение?

Ответить он не успел, потому что Борька снова направился ко мне. Велел пареньку принести оставленные на дороге вещи, тот ушел, напоследок бросив многозначительный взгляд.

– Милана Сергеевна, – обратился Борька ко мне, – я могу тебя так называть, или ты теперь предпочитаешь имя Людмила?

Я только взглянула на него и отвернулась. На Борьку мои взгляды не действовали, настроение у него было отличное.

– За пару дней мы тут управимся, – продолжил он. – Не знаю, найдем ли что, по мне, эта карта пустышка. Ну, да Бог с ней, когда мы нашли такое сокровище, – намекнул на меня, – работать тебя не заставляю, можешь отдыхать, но в пределах поляны.

Борька подозвал другого парня.

– Смотри за ней в оба. Потеряешь девчонку – я с тебя голову сниму. Она хитрая и наглая, так что не ведись на про-

вокации. Извини, Милана Сергеевна, – снова обратился он ко мне, – меры жестковаты, но уж очень не хочется тебя лишиться.

Я только в очередной раз отвернулась. Моя троица после ухода Борьки приблизилась, уселись рядом.

– О чем договорились? – поинтересовалась я у Вити, он пожал плечами.

– Они не против нашего участия в раскопках. Но не уверены, что вообще что-то найдут. Пришлось рассказать о тебе, – посмотрел он виновато. Я усмехнулась. Какой хороший все-таки, и где такие берутся? – Ты знакома с этим толстым?

– Вроде того.

– Почему он зовет тебя Миланой?

Посмотрев с усмешкой на парня, я уставилась перед собой.

– Ты по-прежнему хочешь знать то, что тебе не нужно.

Витя что-то шепнул Свете, и они с Андреем разместились в стороне. Витя посмотрел на меня.

– Ты пряталась от этих людей? Это они пытались убить тебя? Поэтому ты сменила имя?

– У тебя богатая фантазия, – усмехнулась я, – все гораздо проще. Мой тебе совет: забей на эту историю, ищи свой клад, а потом поезжай домой и радуйся жизни.

Витя зло засопел.

– Я хочу тебе помочь, но ты только и делаешь, что упрямишься. Если ты пойдешь мне навстречу, возможно, станет

лучше.

Я посмотрела на него, качая головой. Как мало он знает о происходящем. Но такое рвение, конечно, сложно оценить.

– Он не пытался меня убить, – все же сказала я, – и вообще, меня никто никогда не пытался убить. Это ты сам себе придумал, я ничего подобного не говорила. Шрам – следствие несчастного случая. Борька не сделает мне ничего плохого. Когда-то я жила под другим

именем, не буду спорить, и мы были с ним знакомы. Но потом мне захотелось все поменять, и я подошла к данному желанию с размахом.

– Так ты поедешь с ним?

– Скорее всего, – пожала я плечами.

– А ты можешь уйти, если захочешь?

Я улыбнулась.

– Конечно, надо только придушить ночью вот этого паренька, – кивнула в сторону моего конвоя. Он стоял недалеко и наш разговор слышал. На мои слова хмыкнул.

– Значит, ты все-таки несвободна, – констатировал Витя. Я не стала отвечать.

Сидела и смотрела на происходящее. Вернулся паренек с нашими рюкзаками, нам стали готовить палаточные места. Борька ходил и громко раздавал указания. Если бы тут была связь, уже, наверное, позвонил бы и рассказал о своей находке. Я сидела, не дергаясь. Не было никакого смысла бе-

жать. Куда? В городе меня быстро найдут. Лечь на дно не получится, других документов у меня нет. Да и не факт, что я вообще убегу дальше этой поляны, даже если попытаюсь.

Я смирилась с неизбежностью будущего, загорала, собирала цветы, просто дремала в тени. Меня никто не трогал, хотя взгляды на себе я ловила постоянно. Кто-то меня знал, кто-то слышал обо мне, слухи разлетелась по палаточному городку моментально. Витя к ним прислушивался, хмурился, но с разговорами не лез. И слава богу. Они с Андреем помогали в раскопках, Света в основном крутилась возле без дела.

Когда стало ясно, что никакого клада нет, стали собираться обратно. Проводник, сухощавый высокий мужчина под сорок, свое дело знал, вел нас по дороге, освоенной заново после урагана. Она была тяжелее, но короче. У всего есть свои плюсы и минусы. На меня мужчина поглядывал с интересом, полагаю, профессиональным, но не приближался. То ли боялся, то ли Борька запретил, кто его знает.

Через четыре дня мы оказались в городе, где наши пути с моей троицей должны были разойтись. Не обращая внимания на Борькины взгляды, я отошла попрощаться. Впрочем, Андрей и Светлана мне только кивнули, зато Витя смотрел с грустью.

– Ты хороший человек, – сказала я ему, он покачал головой.

– Я тебе помогу, – заявил в ответ.

– Это вряд ли.

– Честное слово.

Я его обняла и погладила по спине. Все-таки редко встретишь подобного парня. Поцеловав в щеку, вернулась в машину, Борька хмыкнул.

– У тебя поменялись вкусы? Блондин бы тебе больше подошел.

– Его девушка оказалась против.

Борька рассмеялся, и мы тронулись с места. Он позвонил Лехе, это я поняла из разговора.

– Не нашли, – ничуть не печально ответил Борька на вопрос, – зато нашли кое-что другое, поверь, ты не будешь разочарован... Увидишь на месте, мы выдвигаемся. – Борька повесил трубку и уставился на меня через зеркало заднего вида. – Ну, Милана Сергеевна, готовься к встрече.

– А что это ты меня все по имени-отчеству? – усмехнулась я, и он в ответ.

– Привык, знаешь ли, с незапамятных времен.

Я вспомнила нашу первую встречу. Борька заехал к Лехе, а я как раз шла по коридору в мужской футболке на голое тело.

Леха вдруг сказал:

– Детка, познакомься, это Борис, помощник во многих моих делах.

Борька, стараясь смотреть куда угодно, только не на мои ноги, протянул руку, я подала свою в ответ.

– Борис, – кивнул он, я важно сказала:

– Милана Сергеевна.

Борька кинул на Леху недоуменный взгляд, тот усмехнулся и ответил, разведя руками:

– Что я могу сказать? Милана Сергеевна – значит Милана Сергеевна.

Так и прижилось, он говорил мне ты, но обращался по имени-отчеству. Видимо, действительно, привык. От дурных привычек, как известно, сложно отделаться.

– Времена меняются, – сказала я все-таки, – пора избавляться от отчеств.

– Мне так привычнее, я, знаешь ли, консервативен.

– А чего не сказал Лехе, что меня нашел?

– Шутишь? – он даже хохотнул. – Я ни за что на свете не пропущу момент, когда Дьявол увидит тебя.

– Надеюсь, кто-нибудь напоет ему раньше.

– Пусть попробуют, – Борька потряс кулаком в воздух. Если учесть, что один из его людей перебежчик из вражеского племени, то угрозы весьма условны. Кстати, сам перебежчик сидел со мной рядом, и я ощущала его напряжение. Попытается ли он продолжить свои разговоры? Теперь это будет сложнее. Да и нечего мне ему сказать, так что все равно бессмысленно.

Путь был неблизкий, и большую его часть я провела в дреме. Если не спала, то сидела с закрытыми глазами. Разговаривать не было никакого желания. Постепенно подкрадыва-

лось волнение. Что меня ждет в родном городе, я не знала. Вряд ли, конечно, Леха настолько меня ненавидит, чтобы... Чтобы что? Издеваться? Не той он масти человек. Скорее всего, ему просто все равно. Прошло слишком много времени, чтобы помнить одну из своих женщин.

Гнала мысли прочь, решив положиться на судьбу, но они все равно возвращались, и волнение вместе с ними. Правда, к тому моменту, когда мы прибыли к Лехиному дому, я уже столько раз накрутила себя, что даже успокоилась. Сил не осталось, чтобы переживать.

– Ждите меня в машине, – сказал Борька ребятам, а мне заметил, – надень капюшон для эффективности.

Я проигнорировала его слова.

– Характер такой же скверный, – буркнул Борька, выбираясь из машины и тяжело дыша. Я почувствовала движение, обернувшись, увидела, как паренек, настойчиво выпытывавший о Витязе, сунул мне в карман шорт записку. Я только брови вздернула в удивлении, но говорить ничего не стала. Мы с Борькой направились к двери подъезда, ребята остались на улице, разминая ноги.

– Этаж запомнить? – язвительно спросил Борька, пропуская меня вперед, я в очередной раз промолчала. Мы поднялись на лифте, прошли к квартире, Борька потянул ручку и открыл дверь, она была не заперта. Он прошел вперед, я услышала Лехин голос:

– Что ты темнишь? Что случилось?

Борька сделал шаг в сторону, и я, чувствуя, как сильно колотится сердце, вошла в холл.

Леха стоял, нахмутив брови и сунув руки в карманы домашних штанов. Увидев меня, замер. Не знаю, какого эффекта ожидал Борька, но ни один мускул на его лице не дрогнул, правда, он так и стоял, не двигаясь и глядя на меня. Борька, кажется, боялся вздохнуть, наблюдая за ним. Я кинула на Леху взгляд, но тут же отвела, осматривая холл. Изменений не заметила. Тут Леха сказал:

– Боря, оставь нас, пожалуйста, я с тобой свяжусь.

Борька, не ожидавший подобного развития событий, тихонько сбежал, прикрыв за собой дверь.

Леха приблизился, разглядывая мое лицо. Я не знала, что сказать, а смотреть на него боялась. Когда подняла глаза, он залепил мне пощечину. Развернувшись, направился в гостиную, кинув на ходу:

– Идем за мной.

Я потерла щеку, глянув в зеркало: она стала ярко-красной и горела. Пощечину я получила заслуженно, потому молча прошла через гостиную в кухню, отделенную аркой. Леха стоял у окна и курил, глядя на улицу. Я села за стол. Докурив, он затушил окурок в пепельнице, стоявшей на подоконнике, и потер лицо. Я украдкой рассматривала его. За эти годы он почти не изменился: высокий, хорошо сложенный, выбритые виски, серьга в ухе. Карие глаза смотрят серьезно, пухлые губы плотно сжаты. Многие Лехины знакомые утверждали,

что он никогда не смеется и даже не улыбается – отчасти это было правдой. Смеялся он очень редко, я лично была свидетелем подобного всего несколько раз. В такие моменты у него появлялись ямочки на щеках, и он был похож на озорного мальчишку. Улыбку Леха как будто считал излишней роскошью, так что люди могли наблюдать ее жалкое подобие в те моменты, когда он быстро ухмылялся, и уголки губ на мгновение растягивались. Леха был серьезен всегда.

Сейчас он уселся напротив меня, поглядывал, сохраняя тишину, потому ничто не мешало воспоминаниям, всплывавшим в голове.

Глава 4

Надо сказать, вся моя жизнь виделась сплошным недоразумением. Воспитанием моим занималась мать – женщина богобоязненная и готовящаяся к жизни после смерти в Царстве Небесном. Сумеет ли туда пробраться отец, она не знала, но вот меня вознамерилась взять с собой, потому с ранних лет я воспитывалась в предельной строгости. В детский сад не ходила, а когда пришло время идти в школу, была отправлена в женский пансион с церковным уклоном. Годы обучения были одними из самых тягостных в жизни. Я не понимала и не принимала того, что нам прививали, и в голове моей витали мысли совершенно противоположные. Касались они той, другой, жизни, которая мне виделась не такой уж ужасной. В переходный возраст к этим мыслям добавились новые, которые терзали не только ум, но и тело. Стоило завести об этом разговор, как мне ужесточили режим. Вот тогда и стало ясно: лучше молчать и делать вид, что меня все устраивает. А свои мысли и желания оставить при себе. Я оказалась отличной притворщицей – никто и заподозрить не мог, насколько на самом деле я далека от церковных истин и чем живу в своих мечтах.

После школы я вернулась в наш город и поступила на филологический факультет по велению мамы. Она бы с удовольствием отдала меня в семинарию, но отпускать в Москву

не считала возможным, потому выбрала самый безопасный на ее взгляд факультет. После пар я сразу должна была идти домой, у мамы с дисциплиной было не менее строго, чем в пансионе. А мне, конечно, хотелось другого. Я расцвела, превратившись из подростка в красивую девушку с сексуальными формами. По крайней мере, мне так казалось, когда я тайком просматривала в библиотеке журналы.

Подруг у меня не было, в институте звали монашкой, потому что я одевалась и вела себя соответствующе. Вся моя жизнь сосредотачивалась на книгах – в них я искала отдушину, окунаясь в истории любви. Жизнь шла день за днем, и каждый прошедший был копией следующего. Я терпела, надеясь, что когда-нибудь смогу вырваться и начать жить так, как хочется мне.

Все вышло случайно. В тот год мать пристроила меня в местный хор барабанщиц, так что в моей жизни добавились еще часы нудных репетиций. Делать вид, что мне интересно, становилось все сложнее, характер рвался наружу, и приходилось прикладывать много сил, чтобы сдерживаться.

Проводя основное время в молитве, мама требовала того же от меня, не замечая, насколько я далека от подобного образа жизни. Возможно, попробуй она подать свою идею доступнее, все бы получилось. А так во мне росли только протест и раздражение: на семью, на жизнь, на Бога. С папой отношения были доброжелательными, но неблизкими, чему также способствовала матушка. Я долгое время удивлялась,

как они умудрились сойтись. У папы был мягкий, спокойный характер. В свое время его бросила жена, он подался в церковь, где встретил матушку. Что-то там на небесах замкнуло, потому что мама, которой в тот момент было тридцать восемь, вцепилась в мужчину. Через год появилась я, хотя смутно представляю матушку, занимающуюся любовью с отцом. Впрочем, я в принципе смутно представляла весь данный процесс.

Я до сих пор помню день нашей встречи с Лехой до мелочей, потому что он стал поворотным для всей моей жизни.

Леха Дьявол получил свое прозвище за то, что прослыл бессмертным. Началось все в детстве. В семь лет мальчик Леша ехал на велосипеде и попал под грузовик. Вмятина на бампере, велосипед вдребезги, а он без единой царапины. Вот тогда кто-то впервые сказал, что Леха родился в рубашке. После этого случая у мальчика замкнуло в голове, и он стал вести безбашенный образ жизни. К шестнадцати годам Леха перезанимался всеми экстремальными видами спорта, не получив ни одной серьезной травмы и заслужив несколько КМС. Спорт его интересовал мало, хотя ему пророчили блестящее будущее. Леха бросил все разом: он просто проверял теорию о том, что родился в рубашке. Чем больше она подтверждалась, тем больше он рисковал. Окончив школу, Леха поступил в институт на физвос. Проскучав два года, подался в армию, решив, что лучшего способа проверить удачу, нет. Отвоевал четыре года в горячей точке и вернулся без

единого ранения. Решил заняться бизнесом. К нему пришли ребята бандитского вида, и Леха, почуяв азарт, бросился с головой в новый для себя вид деятельности. Подался в низы и очень увлекся. Очнулся через четыре года, поняв, что бороться не с кем, он добился всего, чего хотел. И это в двадцать шесть лет. В ту суровую годину он и получил свое прозвище. Леху называли везунчиком, дела его шли как по маслу, недовольные люди откалывались, не причиняя вреда, а многочисленные попытки устранить его не привели к успеху. В шутку говорили, что Леха заключил договор с дьяволом, потом кто-то пошутил, что он сам как дьявол, и прозвище неожиданно прижилось.

Когда мы с Лехой Дьяволом встретились, мне было девятнадцать, а ему двадцать семь.

Казалось бы, такие, как мы, не пересекаются, но судьба любит смеяться над людьми, сталкивая их в совершенно неуместных ситуациях.

Было лето, пару дней назад я закрыла сессию третьего курса и теперь активно барабанила в хоре, готовясь к торжественному параду в честь дня города. Я возвращалась с репетиции, волоча за спиной барабан и размышляя о том, как буду идти в первом ряду, одетая в уродскую юбку и блузку, в то время как остальные девочки будут сверкать красивыми нарядами. Матушка велела не разглядывать людей на улице, но я все равно это делала, потому что большинство мне казались представителями другой планеты, и я занималась

тем, что придумывала про них истории. Дожидаясь зеленого сигнала светофора, пялилась на стоящего неподалеку фрика со смешной прической, одетого в яркие шмотки. Когда началось движение, зашагала по зебре, переключив внимание на дорогу. Возле пешеходного перехода на другой стороне стояла красивая машина, ее владелец, парень лет двадцати пяти, курил, привалившись к капоту. На мгновение мы с ним встретились взглядами, и внутри неожиданно екнуло. Можно назвать это предчувствием. Я не интересовалась мужчинами, не рассматривала их с точки зрения привлекательности, но тогда странное внутреннее ощущение заставило остановиться и обернуться, когда он меня окликнул. Естественно, в любой другой день я бы пошла дальше, делая вид, что не слышу, или коротко и емко дав отпор. Но я остановилась, и теперь уходить казалось неприличным. Парень подошел, окинув взглядом, вздернул левую бровь и спросил:

– Вы музыкант?

Я мучилась самим фактом, что мы стоим вместе, и не знала, что говорить. Молча кивнула.

– Играете на барабанах? – продолжил он. Я кивнула, это его позабавило, он снова вздернул левую бровь, а я не могла почему-то отвести от нее взгляда.

– Готовитесь к концерту?

Я чуть снова не кивнула, но, поняв, как это глупо выглядит, заставила себя сказать:

– Будем выступать с оркестром на дне города.

И снова левая бровь ползет вверх.

– Будете на площади выступать? – Я кивнула. – Приду посмотреть.

Не зная, что сказать, я неловко улыбнулась.

– Как вас зовут? – он продолжал меня разглядывать.

– Милана.

– Я Алексей. У вас красивое имя, редкое. Кто придумал так назвать?

– Папа.

Вообще, матушка крестила меня в Меланью, потому что в церковном календаре имени Милана не было, но по документам я была Миланой и предпочитала зваться именно так.

– А что вы будете делать после парада? – спросил он, и я растерялась, не ожидая такого вопроса. Мы же вроде про имя говорили. Вообще, после парада я собиралась либо домой, либо на чаепитие с оркестром. Мама, хоть и со скрипом, дала на это согласие. Оба варианта были мне безразличны, да и озвучивать их ни к чему, потому я неопределенно пожала плечами.

– Если хочешь, можем погулять, – предложил он, переходя на ты, а я сделала такое лицо, словно парень сказал несусветную чушь. Он на это отреагировал очередным вздергиванием брови, приписав мою реакцию себе, хотя относилась она больше к подобному событию в моей жизни. Пытаясь сгладить неприятность, я улыбнулась, пожимая плечами:

– Все может быть, – сказала ему, – извините, мне надо

идти.

И оставила его стоять на дороге в недоумении. Леха ничего обо мне не знал, потому списал подобное поведение на женскую заносчивость. Хотя и выглядела я скромно, он не мог поверить, что настолько не умею общаться с мужчинами. Был уверен – только изображаю из себя примерную девочку. И если зреть в корень – так оно и было.

Всю дорогу домой я улыбалась, было так легко, хотелось взлететь вместе с барабаном. Думала, сумею выкинуть этот эпизод из головы, а на деле только и делала, что вспоминала его. И даже решила: я смогу повернуть все так, чтобы после парада встретиться с этим парнем.

На параде я выглядела хуже всех: на мне была широкая юбка ниже колен и белая просторная блузка с закрытым горлом – такая одежда скрывала фигуру. Остальные девчонки были в коротких юбках, и на их фоне я выглядела еще нелепее. Народу собралось много, я высматривала Леху, но не увидела, впрочем, неудивительно. Стало обидно, я, между прочим, решила на отчаянный поступок, все устроила. Мама на работе, папа заберет барабан, а я сделаю вид, что пойду на чаепитие, когда на самом деле улизну на встречу. Только, кажется, никто меня не ждет.

После выступления я отправилась к автобусу, пытаюсь высмотреть Леху, но его нигде не было видно. И когда уже отчаялась, увидела его у машины на парковке. Сердце пропустило ход, а на лице расплылась улыбка. Все-таки пришел, ждет!

Быстро распрощавшись с девчонками, я двинула в нужную сторону, поглядывая по сторонам. Боясь оказаться пойманной, подошла к Леше и сказала:

– Давай уедем.

Он лишних вопросов не задавал, открыл дверцу машины.

Так завязались мои первые отношения: странные и неоднозначные. Поначалу они были платоническими, мне этого хватало, уровень адреналина и так зашкаливал. Может, Леха воспринимал наши встречи как свидания, я же как на вулкане сидела.

Если мы гуляли, то в закоулках парков, если сидели в кафе, то в таких местах, куда не могли заглянуть мои знакомые. Леха, поняв, что звать меня куда-то не имеет смысла, отдал право выбора места встреч мне. Я вообще была для него загадкой: он думал, что я его стесняюсь. Ему даже в голову не могло прийти, на какие ухищрения я иду, чтобы выкроить себе свободный вечер и сбежать из дома под благовидным предлогом. При хороших обстоятельствах мы виделись два раза в неделю. К концу первого месяца я, наконец, расслабилась, и меня начало прорывать: появился человек, перед которым не надо притворяться богобоязненной овечкой, – я быстро осмелела. Непонятно, откуда что взялось: подтрунивала над ним, язвила и вела себя стервозно. Мне это нравилось, он тоже был не против. Через месяц состоялся первый поцелуй. Для Лехи это, наверное, был нереальный срок, а мне казалось, что все развивается очень быстро. В тот день

он вышел из машины, открыл мою дверцу и подал руку. Как только я оказалась снаружи, прижал к машине своим телом, обхватив за талию.

В первый момент я испугалась, хотя и поняла, что сейчас произойдет. Я понятия не имела, что надо делать. Леха наклонился и, легонько обхватив мою губу своими, потянул. Это было приятно, по телу пробежала дрожь, и я, закрыв глаза, подалась навстречу. Обхватила его губу в ответ и его самого за плечи. Сначала мы целовались медленно, словно дразня друг друга. Голова начала кружиться, воздух в груди как будто закончился, а еще низ живота приятно занял. Я прикусила его губу, и у Лехи сдали тормоза. Вжал меня сильнее в машину, а рукой заскользил по телу, я застонала ему в рот, зарываясь руками в волосах. Леха подключил к поцелую язык и в это же время сжал мою грудь. Терпеть это было невозможно: в голове темнело, низ живота так сильно тянуло, что я сама начала жаться к Лехе, чувствуя его возбуждение. Я понимала: еще чуть-чуть, и это случится прямо в машине.

Потому, приложив огромное усилие, отстранилась. Леха смотрел мутным взглядом, тяжело дыша. Я и сама была не лучше. Но все-таки улыбнулась, говоря:

– Тише, парень, а то взорвешься.

Усмехнувшись, он отошёл, достал сигареты и закурил, не сводя с меня глаз. Покачив головой, сказал:

– Почему я все это терплю?.. Ладно, куда мы там собира-

лись?

Поцелуи вошли в нашу программу, и я понимала: долго не протяну. С каждой встречей желание усиливалось, и сдерживаться становилось все труднее. Тем не менее я продержалась еще почти месяц, прежде чем решила: пора.

Так как моя жизнь была взлелеяна французскими классическими романами, я считала, что событие это должно быть необычным. У меня в голове вообще творилось не пойми что: будучи оторванной от реальной жизни, я видела все вокруг в ином свете, чем те, кто воспитывался в обычной среде. Потому романы были для меня не художественным произведением, а инструкцией к действию. Украшая свою жизнь книжными реалиями, я была уверена, что она такая и есть, действует по тем же законам.

Вытащив из заначки весомую сумму, я потратила ее на маленькое черное платье, нижнее белье, чулки и туфли на каблуках – в одном из журналов этот наряд признавался самым выигрышным. Пришлось потратить время, чтобы немного научиться ходить на каблуках: это оказалось непросто.

В тот вечер я сказала маме, что иду к подруге заниматься, она меня отпустила. Сумка с вещами была заранее припрятана в камере хранения магазина. Забрав ее, я отправилась в кафе, где мы договорились встретиться с Лехой. В туалете переоделась и накрасилась. Он находился напротив входа, я слышала, как Леха пришел. Глубоко выдохнув, пожелала

себе удачи и вышла в зал. Леха сидел за столиком, бросив в мою сторону взгляд, сразу не признал, но почти тут же левая бровь поползла вверх, а рот приоткрылся. Я старалась держаться уверенно, думая о том, чтобы не оступиться. Мне повезло. Замерла над Лехой, он, осмотрев меня сверху вниз, поинтересовался:

– По какому поводу?

Наклонившись к его уху, я шепнула:

– Догадайся.

Мы встретились взглядами, он просто не мог поверить в напрашивающийся сам собой ответ, только бровью подергивал.

– Ты серьезно? – спросил наконец.

– Еще чуть-чуть, и я передумаю.

– Пошли, – поднялся и, взяв меня за руку, повел к выходу.

– Куда поедем? – спросил, как только мы оказались в машине. Взгляд его блуждал по моему телу, и я чувствовала, как внизу живота разливается жар.

– Сам решай, – ответила, пожав плечами, голос оказался хриплым, и Леха ноздри раздул, заводя двигатель.

Приехали мы к нему домой и медлить не стали.

Уже на пороге Леха, обхватив меня, стал целовать. Его руки бесстыдно скользили по моему телу. Я потеряла голову: слишком много эмоций разом, импульсы вспыхивали, пробегая по телу; казалось, я плавлюсь под Лехиными руками. Ловко расстегнув молнию, он стянул с меня платье, туфли я

скинула следом. Взгляд Лехи возбуждал не меньше прикосновений. Отойдя, разглядывая меня, стоящую перед ним в нижнем белье и чулках, он стянул футболку, демонстрируя красивую фигуру, сильную, подкачанную. Вернулся ко мне, и я, осмелев, провела подрагивающими пальцами по его торсу от груди вниз до пупка и, на мгновенье замерев, дальше по темной полоске волос, уходящей в джинсы. Леха даже зубы сцепил, тяжело дыша, но не двигаясь. Я начала расстегивать ремень, глядя ему в глаза, он-то своих от меня не отрывал. Потом принялась за джинсы, спустила их вниз. Это было невероятно пошло и сексуально, меня уже нехило потряхивало, низ живота сводило, в голове мысли разбежались, весь мир пропал, и остались только мы вдвоём, и этого было более чем достаточно.

Лёхино терпение было на исходе: переступив через джинсы, он, резко подхватив меня под бёдра, поднял и понёс в спальню, на ходу целуя, куда придётся: в шею, грудь, ключицы.

Повалив на кровать, расположился между моих ног и начал целовать напористо, вторгаясь языком в рот.

Я понимала, что должна признаться ему. С трудом отлепившись, сказала, глядя в глаза:

– У меня ещё никого не было.

Леха замер, привычно вздёрнув бровь.

– Ты серьёзно? – спросил недоверчиво, я кивнула. Он еще раз окинул мое тело, словно осматривал с новой стороны.

– Расслабься, – шепнул, целуя, – ты готова, все будет хорошо.

Хорошо не было, но было терпимо, странно, необычно. И потом я стояла в душе, смывая с себя запах чужого тела, не веря, что это произошло.

Когда я появилась в кухне в одном полотенце, Леха курил у окна.

– Чем хочешь заняться? – спросил, рассматривая с интересом. Медленно подойдя, я сказала:

– Я бы повторила.

Он вздёрнул бровь, разглядывая меня. Не скажу, что мне очень хотелось, но мы не так часто виделись, чтобы терять время. Затушив окурок, Леха потянул меня за руку и, резко развернув спиной к себе, наклонил над столом. Сунув руку под полотенце, провёл по бедру, наклоняясь следом, прижимая меня к себе, и я снова почувствовала возбуждение.

– Ты потрясающая, – шепнул Леха и легонько прикусил мочку уха, я, выдохнув, подалась к нему, но он продолжил, – тебе надо пару дней передохнуть.

И отстранившись, выпрямился, я следом.

– Почему? – спросила его. Он пожал плечами.

– Физиология. Можно навредить.

– Что ж, тогда я домой, – я направилась за одеждой.

– Вот так сразу? Может, останешься на ночь?

Представив мамину реакцию, я чуть не рассмеялась. Эта насмешка Лехе не понравилась, и я добавила, чтобы его не

злить:

– Извини, никак не могу.

Он пошел меня провожать, в прихожей мы немного зависли, увлекшись поцелуем.

– Когда увидимся? – спросил Леха. До сих пор удивляюсь, что такой властный мужчина, как он, охотно потакал моим слабостям и уступал желаниям.

– Не знаю, – шепнула ему, – потом договоримся. Я тебе сообщу.

Конспирация была на высоте. Я приобрела вторую сим-карту, но включала ее только, чтобы списаться с Лехой о встрече.

– Я хочу, чтобы ты осталась, – шепнул он, увидев мой протестующий взгляд, начал целовать. Я увлеклась и не заметила, как оказалась сидящей на комод. Леха расположился у меня между ног, одной рукой держал за волосы, заставляя подчиниться, целуя сильно, даже грубо, с покусываниями, но это только распаяло. Потом его руки скользнули по моим ногам под платье, и я прошептала:

– Ты же сам сказал: нельзя.

Глубоко выдохнув, Леха уткнулся носом мне в плечо и немного так постоял. Обнимать его было приятно, я гладила сильные плечи, спину, зарывалась руками в волосы, он нежно водил пальцами по позвоночнику, и все это заводило ничуть не меньше страстных поцелуев. Наконец Лёха нехотя отстранился.

– Мне надо ехать, – сказала я, слезая с комода. Он кивнул и открыл дверь.

Глава 5

Домой в тот вечер я возвращалась бегом. Косметику смыла у Лехи, наряд поменяла в туалете на заправке, пока ждала такси. Обычно я добиралась на своих двоих, выбирая немногочисленные улочки; городок у нас маленький, всегда есть шанс оказаться раскрытой. Но в этот раз времени не было, потому пришлось рискнуть. Мне повезло, мама сама провела весь вечер в гостях. Но расслабляться не стоило – слишком много теперь стояло на кону.

Мы стали встречаться чаще, я изворачивалась ужом, придумывая оправдания своим отлучкам. Это было сложно, но страсть тащила меня из дома. Мы с Лехой оказались идеальными партнерами, очень быстро секс стал не просто классным, а выше всяких похвал, потому уходить от него было все тяжелее.

– Почему ты не хочешь остаться? – каждый раз спрашивал он, я отмазывалась, не желая рассказывать правду. Мне хотелось, чтобы отношения наши не переставали быть игрой, дерзкой перепалкой, заканчивающейся агонией страсти. По крайней мере я воспринимала все происходящее именно так. Отшучивалась, стараясь его задеть. Меня заводило, когда он злился, да и его тоже, если уж по правде. Но как-то раз он спросил:

– Ты вообще кем меня считаешь?

Я рассмеялась, качая головой:

– Что за глупые вопросы, – ответила ему, – мы с тобой столкнулись на какое-то время, как два осколка в космосе, между нами невероятное пламя, и мы им наслаждаемся. Неизбежно в какой-то момент мы снова разлетимся, так к чему все эти разговоры?

Вот она, выскопарность слога, полученная от Стендаля, Бальзака и Мопассана. А я, между прочим, говорила от души, не пытаюсь набить себе цену.

Но в тот раз, конечно, перегнула палку. Леха промолчал, а я решила, что вопрос закрыт. Однако оказалось, все куда сложнее, и вскоре я в этом убедилась.

Прошло еще два месяца, я ездила на учебу, а потом встречалась с Лехой. Каких только причин для отлучек я не придумывала, даже решила вступить в какой-нибудь институтский комитет, чтобы списывать на него свое отсутствие. Но это оказалось ненужным. Судьба сделала мне подножку, когда я не ждала, и все разом полетело в тартарары.

В тот день матушка собиралась встретить на вокзале старую подругу, проводить ее до дома и посидеть в гостях. Обрадовавшись тому, что у меня свободный вечер, я отправилась на встречу с Лехой, назначив ее далеко от моего места жительства. Мы встретились и пошли к машине, она стояла во дворе, и вот там столкнулись с мамой и ее подругой.

Картина была хлеще, чем в "Ревизоре". Замерли все. Пока я придумывала, что сказать, матушка пришла в себя.

– Милана, кто этот мужчина? – по всей видимости, она начала смекать, что к чему. Не успела я и рта раскрыть, как Леха заявил:

– Мы с Миланой встречаемся, она прекрасная женщина и восхитительная любовница.

Я до того обалдела, что забыла и о маме, и о ситуации, просто уставилась на него с открытым ртом. Он не изменился в лице, словно происходящее не являлось чем-то из ряда вон выходящим, и он не рушит сейчас мою жизнь. Матушка и ее подруга тоже обалдели и рты открыли, правда, первая очень быстро пришла в себя, покраснела и высказалась:

– Да как вы смеете?.. – поймав мой взгляд, осеклась. – Милана, это правда?

Впервые в жизни я не нашлась, что ответить, боясь, что любое слово усугубит ситуацию. Впрочем, говорить ничего и не надо было, мама поняла, что никакой это не розыгрыш, и начала хватать ртом воздух, подбирая слова.

– Ты немедленно пойдешь со мной, – она схватила меня за локоть, а Леха аккуратно придержал за второй. Я уставилась на мужчину, этот мерзавец учтиво заметил:

– Зачем так реагировать? В конце концов, мы встречаемся не первый месяц.

Я пыталась понять, почему он так со мной поступает? Матушка тем временем, не выдержав и забыв, видимо, о том, что она православная христианка, залепила мне пощечину, добавив несколько ругательных слов. Я, в отличие от нее,

вспомнила православные устои, потому со смирением подставила вторую щеку. Это, кажется, только усугубило ситуацию. Мама вырвала меня из рук Лехи, который несильно противился и даже подпихнул меня в ее сторону. Вскоре я была дома, заперта в комнате. Лежала на кровати и злилась. По большей части на Леху. Ведь он видел, что происходит, и вместо того чтобы подыграть, все испортил. И сделал это специально. Я силилась понять причину, ведь все было так хорошо. В конце концов, пришла к выводу, что надоела ему, и он просто воспользовался ситуацией.

– Вот поганец, – шипела я, прохаживаясь по комнате.

К ночи стало только хуже: мама заявила, что не видит другого выхода, как отправить меня к тетке под Смоленск. Я ужаснулась: тетка была еще более набожной, чем мать, жила и работала при женском монастыре. Очевидно, матушка решила, что мирская жизнь мне не по плечу, и спасение я могу обрести, только укрывшись за монастырскими стенами. Протестовать я не стала, наоборот, смиренно приняла решение, в тайне надеясь, что мать отойдет и смягчит наказание. Однако прошло десять дней, а лучше не стало: с теткой было все оговорено, билеты на автобус куплены, а я, сидя под домашним арестом, должна была собирать вещи, чтобы через два дня отбыть в заточение. По счастью (ну это так мама говорила), никто о моем позоре не узнал, так что был шанс не запятнать честь нашей семьи, главное, поскорее от меня избавиться. Папа, как ни странно, принял мою сторону, пы-

таясь доказать маме, что оступиться может каждый, и что спасти меня надо не гнетом, а любовью, как и начертано в известной книге. Но она забыла обо всех книгах, потому что переубедить ее не было никакой возможности. Стало очевидно, что жизни моей конец: все мечты и цели так и останутся нереализованными. И ладно бы я не знала, как это – жить иначе, но нет, мне придется умирать за высокими стенами и вспоминать миг счастья. Связаться с Лехой не было возможности, телефон были изъяты.

А потом я поняла, что не смогу смириться с такой несправедливостью. Вся натура разыграла во мне, и голос внутри стал нашептывать, набирая силу, о том, что никто не вправе распоряжаться чужой жизнью, что я взрослый человек, сама себе хозяйка, что я смогу выжить, и плевать на то, кто что обо мне подумает. Да если родная мать готова похоронить дочь в монастыре против ее воли, на что она вообще нужна? Дошла я до самых ужасных мыслей, а когда вскочила из постели, часы показывали полночь.

Стараясь не шуметь, я принялась связывать концы простыней, взятых из шкафа. Благо, мы жили на третьем этаже, внизу росла раскидистая вишня, а решимости во мне было столько, что я готова была выскочить из окна прямо на швабре, как Маргарита в известной книге. Воистину, что-то во мне замкнуло в ту ночь, и я стала самой натуральной бесстрашной ведьмой. Паспорта и денег у меня не было, а больше брать с собой было нечего. Одевшись, я поползла по

простыням вниз и вскоре бодро вышагивала по ночному городу. Идти было некуда: родственники сообщат маме, близких подруг у меня нет. Потому я пошла к Лехе.

Консьерж меня знал и пропустил сразу. Леха встретил в холле в трусах и футболке. О моем приходе ему сообщили, дверь в квартиру была открыта, хотя он ее частенько не закрывал все из-за той же дурацкой привычки играть со смертью в поддавки и догонялки. В холле горел тусклый свет. Я замерла, глядя на мужчину со злостью, он только усмехнулся. Покачав головой, я прошла в кухню и налила вина, достав бутылку из шкафа. Леха замер, привалившись к стене и разглядывая с интересом.

– Забыл, как я выгляжу? – не удержалась я, отставляя бокал.

– Соскучился.

– Неужели? А не ты ли сдал меня? Теперь я осталась без жилья, мне пришлось сбежать из дома, потому что мать собирается отправить меня...

– В монастырь, – закончил он, я уставилась на него с подозрением.

– Откуда знаешь?

– Детка, – покачал он головой, проходя и усаживаясь за стол, – ты же не дура, видишь, что я не парень с твоего факультета. Ты думаешь, я ничего о тебе не знал? Кто ты, кто твои родители, чем занимаешься, где учишься? Вся твоя конспирация с явками и паролями...

– А какого черта разыгрывал неведение? – разозлилась я.

– Сначала не верил, думал, ты развлекаешься. О тебе говорят, что ты примерная девочка, нежная, девственная душа, посвятившая жизнь Богу, а я каждый раз видел перед собой сексуальную беспринципную стерву. Ну а когда понял, что ты на самом деле и есть эта стерва, а все остальное при творство, стало интересно. Вот я и играл в шпионов, ожидая, что либо тебе это надоест, и ты расскажешь мне правду, либо все само собой разрешится. И, как видишь, – тут он вздернул бровь, – все само собой разрешилось.

– Само собой? – разозлилась я еще больше. – Ты сдал меня, заявив моей матери, что я твоя любовница. Если ты знал, что за этим последует, на хрена это сделал?

Я подошла к нему и наклонилась к лицу, опершись руками на спинку его стула. Некоторое время он смотрел вперед, размышляя о чем-то, потом перевел взгляд на меня.

– Я готов играть в любую игру, которую ты затеешь, хоть до бесконечности, – сказал, глядя мне в глаза; взгляд его изменился, и у меня мурашки по спине поползли, таким я его еще не видела, – но есть одно но: я хочу быть уверенным в том, что ты будешь моей.

– Что? – нахмурилась я, не понимая. Он вдруг ухватил меня сзади за шею и притянул вплотную к себе.

– То и есть, детка. Ты моя, моя навсегда, и я не собираюсь с тобой расставаться. Однако ты дала понять, что наш роман скоротечен. В мои планы это не входит. – Я смотрела в его

глаза, не в силах сказать ни слова. Он меня отпустил, и я шарахнулась в сторону, замерев возле кухонного гарнитура. Леха, закурив, подошел к окну и, выдохнув дым в открытую форточку, продолжил. – Потому мне ничего не оставалось, как поставить тебя в положение, когда ты сама придешь ко мне.

И тут до меня дошло окончательно. Пока я мнила себя великим стратегом, он обошел меня, особенно не запариваясь. Раз, и сделано.

– Ты это серьезно? – все же не могла поверить. Он пожал плечами.

– Специально я ничего не придумывал, просто обыграл ситуацию. Про твою семейку наслушался, потому догадался, что мать отправит тебя подальше, а ты с твоим характером непременно не выдержишь и сбежишь. Пойти тебе некуда, так что... – он развел руками, а я застыла, запустив пальцы в волосы. Голова не работала. Посмотрев на Леху, спросила:

– И что теперь?

Он подошел ко мне, затушил окурок в пепельнице за моей спиной, не отрывая от меня взгляда, и сказал негромко, но у меня опять мурашки по спине поползли:

– Я хочу, чтобы ты поняла: ты моя, и выбрось из своей головы мысли о том, что мы расстанемся. Этого не будет, детка. Если только один из нас умрет. Поняла?

Мы смотрели друг на друга, словно боролись. Словно тот, кто первым отведет взгляд – проиграет и будет вынужден

подчиниться. Но такого не будет. Я слишком долго подчинялась, чтобы теперь сдаться, пусть Леха мне и нравится. А еще я умею притворяться, что бы он там ни говорил – умею. Хорошо умею. Я улыбнулась и, ухватив резинку трусов, притянула мужчину к себе. Он вздернул бровь, внимательно меня разглядывая, а я потянулась за поцелуем. Леха ответил, и очень быстро мы оказались в спальне.

Утром я позвонила домой, трубку сняла мама. Боялась, что она не захочет со мной говорить, но она сказала немало.

– Мы должны все обсудить, – это единственное, что пыталась я до нее донести.

– Нечего обсуждать, – отрезала мама. – Ты своим поступком показала, как относишься ко всему, что важно нашей семье. Я ограничивала тебе ради твоего же блага, но, видимо, если внутри гнилье, то ничем этого не исправить.

На глазах навернулись предательские слезы.

– Я не сделала ничего плохого...

– Ты врала, прелюбодействовала и совершенно в этом не раскаивалась. И вместо того чтобы просить прощения, сбегала. К нему ведь, да? Он же взрослый мужчина, надеюсь, хотя бы не женат?

– Мам, все не настолько ужасно. Мы с Лешей...

– Ничего не хочу знать, ни о тебе, ни тем более о вас. Не звони, пока не одумаешься.

Она повесила трубку, я вздохнула, качая головой. Поймала Лехин взгляд.

– Все будет нормально, – успокоил он меня, – ты единственный и долгожданный ребенок. Другой вряд ли появится. Так что отойдет и сама попросит о встрече. Дай ей время привыкнуть к новым обстоятельствам.

Леха был прав, я кивнула, он притянул меня к себе, усаживая сверху.

– Ты очень сексуальна в моей футболке.

Я усмехнулась, погладив его по волосам. Он вдруг посерьезнел так, что я не могла этого не заметить.

– Что? – уставилась на него. Он качнул головой.

– Подумал: ты еще себя покажешь.

– Непременно, – наклонилась я к нему, – кое-что покажу прямо сейчас.

Естественно, я осталась жить у Лехи. С ним было классно, он меня баловал, потакал моим капризам. Я решила, меняться так меняться, обновила гардероб и перестала косить под монашку, став самой собой. Отношение ко мне резко изменилось: парни стали обращать внимание, но теперь они мне были неинтересны. Мало кто мог дотянуть до Лехи. Родственники обходили меня стороной, даже здороваться перестали, когда видели. Мама осталась по ту сторону жизни, и дороги туда мне не было. Я не хотела меняться, я хотела жить. С папой мы встречались тайком, сидели в кафе, общались. Он мой выбор принял и радовался, когда я говорила, что счастлива. Только беспокоился, что с мамой нам не помириться. А она встала в позу, отказавшись даже говорить

со мной, когда я встретила ее после работы. Мне оставалось лишь смириться с этой ситуацией, тем более что жизнь с Лехой компенсировала все невзгоды.

Жили мы интересно, бурно, страсти кипели. Трепали нервы друг другу будь здоров, и каждый получал свой кайф, особенно когда мы перемещались в постель. Бальзак мог бы написать по нам целый раздел под названием «Сцены интимной жизни», ибо секс дошел до апогея: еще чуть-чуть, и просто разорвет от блаженства. В быту проблем тоже не было, готовить меня не заставляли, в доступности были рестораны и службы доставки, а в квартиру два раза в неделю приходила уборщица. Таким образом, все свое время я посвящала Лехе и личным радостям. Ела их большой ложкой, словно пытаюсь наесться за все прошлые годы поста.

Среди Лехиных знакомых обо мне быстро узнали, он таскал меня везде, гордился, выставял напоказ. А мне было в радость ловить восхищенные взгляды мужчин и завистливые женщин. Наконец моя красота раскрылась, перестала прятаться за дурацкими шмотками. Я тешила свое тщеславие, принимая или нет предложения о дружбе, которые сыпались на меня постоянно. Некоторые мужчины осмеливались предложить даже постель. Я рассказывала Лехе обо всех, а он только посмеивался.

– Я в тебе уверен, детка, – сказал мне как-то, – ты не предашь.

И вот сейчас, спустя почти восемь лет, я сижу напротив, предавшая его и сбежавшая с другим.

Глава 6

Мы так и молчали, я предавалась воспоминаниям, Леха, подозреваю, тоже.

Наконец он покачал головой, усмехаясь, словно не веря в происходящее.

– Все-таки жива, – проговорил негромко. Я промолчала, опустив глаза. Жива, только не знаю, хорошо это или плохо? И что будет дальше.

– Ты, наверное, не прочь принять душ, я подожду, – услышала его слова и в удивлении подняла глаза. Он только добавил. – Где ванная, ты знаешь.

Я встала, потопталась на месте, не зная, что ответить.

– Спасибо, – пробормотала все же и направилась в ванную.

Закрывшись, на всякий случай дернула ручку. Не потому, что ждала Лехиного появления, нет. Вряд ли у него есть ко мне интерес как к женщине. Скорее, инстинктивно. Вытащила из кармана записку, что сунул мне паренек. Внутри было следующее:

"Мы можем помочь друг другу. Прошу об одной встрече. Приходи послезавтра в 22:00 на улицу Конная, д. 18, кв. 87".

Я усмехнулась, покрутив записку в руках. И чем, интересно, он собирается быть мне полезен? Я-то ему точно ничем, о чем и сказала.

Записку я размочила и смыла в канализационное отверстие. Адрес, правда, запомнила. Мало ли, вдруг все же придется воспользоваться предложением.

После этого с удовольствием приняла душ, подставив тело мощным струям воды и отключившись. Стояла, смывая с себя грязь и усталость прошедших дней. Надо отдать Лехе должное: душ – это то, что было мне необходимо. Причесываясь, посмотрела в зеркало и улыбнулась этой мысли. Несмотря на Лехино благодушие, расслабляться не стоит, он не тот человек, которым можно вертеть. Может, когда-то я имела над ним власть, но не сейчас, однозначно не сейчас. Одевшись, я повязала на шею платок, забив на то, что он грязный, кофту взяла в руки, оставшись в шортах и футболке. Леха все еще был в кухне, курил, стоя у окна и глядя на улицу. Услышав мои шаги, обернулся и потушил сигарету.

– Садись, – кивнул на тот же стул, устраиваясь напротив. Я села, и мы снова уставились друг на друга. Тянуть он не стал.

– Значит, Стрельцова Людмила Андреевна, двадцать восемь лет, из маленького захолустного городишки, не замужем, детей нет... Интересно.

Уже добыл данные. Впрочем, с его возможностями это не трудно.

– Ну рассказывай, – он сложил руки на груди. Я посмотрела исподлобья. – И не ври. Новость о том, что ты нашлась, разнесется быстрее ветра. А желающих с тобой поговорить

немало. Не все могут быть с хорошими намерениями.

– А ты с хорошими? – не удержалась я. Леха пожал плечами.

– Посмотрим. Кто снабдил тебя новыми документами?

Я опустила глаза, размышляя.

– Один дружок постарался. Из местных.

Леха недоверчиво усмехнулся, посверлив меня взглядом, спросил:

– Где Витязь?

Вопрос не в бровь, а в глаз. Я стиснула одну ладонь другой, задержав на несколько секунд дыхание. Я должна была ему сказать то, чего не говорила никому. И это было чертовски сложно.

– Он мертв. Я его убила, – проговорила, отводя взгляд.

По телу пробежала предательская дрожь. Главный постулат жизни в настоящем – не вспоминать прошлое. Но, к сожалению, иногда приходится это делать.

– Смею спросить, почему? – услышала вопрос.

Снова вздохнула.

– Когда мы сбежали... – я бросила на него взгляд, чтобы посмотреть реакцию, но Леха и бровью не повел. – Я думала, это любовь, но ему была нужна кодировка карты. Это я потом поняла. По какой-то причине ждать он не мог, потому и уговорил меня на побег.

– У него было долгов выше крыши, – поделился данными Леха, – точнее, не долгов даже, а обязательств за полученные

деньги. Выполнять он их не хотел, вот и сбежал под шумок, заодно решив и этот клад забрать, если он существовал, конечно.

– Этого я не знала, – качнула я головой. – Я ему все рассказала. Три дня мы перемещались по лесу, скрывались от погони, так он говорил. Потом выбрались в город, там у него была квартира, о которой никто не знал. Он говорил, нужно пересидеть некоторое время, пока все уляжется, ведь нас будут искать. Через год мы снова пошли за кладом. Я не понимала, зачем я ему там, но согласилась. Оказалось, он решил от меня избавиться... – Я нахмурилась, пытаюсь вызвать картинку того дня. Сколько раз я ее представляла? Двести, триста, миллион? Но рассказывать и представлять – разные вещи. – Я готовила ужин, он копался в рюкзаке и что-то говорил. Я толком его не слушала, думала о своем. А потом стало тихо. Так неестественно тихо, что я вдруг испугалась. Резко повернулась, он этого не ожидал. Это меня спасло. Он... – Я нервно сглотнула, поведя головой. – Он хотел перерезать мне горло. Порез вышел неглубоким, но я испугалась, было больно, и я ткнула в него ножом, защищаясь. Даже не видела, куда бью. Оказалось, в самое сердце. – Я прикрыла глаза, кивая собственным словам. Так было, так все было. Лишь бы сил хватило все до конца рассказать. Резко открыв глаза, посмотрела на Леху. Он хмурился, впиваясь в мое лицо внимательным взглядом. – Он упал замертво. А я испугалась еще больше. Не знала, что делать. Как-то собралась с сила-

ми, обработала свою рану. Ситуация была ужасная. Я одна в лесу, без проводника... Я убила человека. Конечно, это была самооборона, и все же... – Я еще помолчала, Леха меня не торопил, понимал, наверное, что рассказывать такое непросто. – Недалеко было болото, Митя мне его показывал, велел быть осторожней. Я оттащила туда тело и утопила. Собрав вещи, побрела напрямую, куда глаза глядят. Мне повезло, чудом я выбралась из леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.